

Эпиграф к предстоящему дню

Для прозаика Дмитрия Шеварова таким эпиграфом становятся стихи, написанные даже... в позапрошлом веке, но именно в этот день

Ирина КЛЕПИКОВА

Есть люди, которым для защиты интересов отечественной литературы не нужен специально учрежденный Год литературы в России. Они живут этим каждый день. Дмитрий Шеваров, прозаик, литературный критик, вот уже несколько лет в газете «РГ-Неделя», приложении к «Российской газете», ведёт рубрику «Календарь поэзии». В год 70-летия Победы её герои прежде всего – поэты военного времени. Приезд Дмитрия Шеварова в Екатеринбург, где живут его родители (сам он – выпускник УрГУ), дал шанс встретиться с ним. Разговор же начался с невероятного совпадения: в один день в «Неделе» и в «Областной газете» вышли публикации о поэте Владиславе Занадворове, погибшем на фронте в 1943-м.

Почерк тот же, а человек – другой

... Да, поэт. Хотя, судя по письмам Занадворова жене, он мечтал написать роман, – уточняет Дмитрий. – В одном из писем: мне 28, я дожил до солидных лет, пора делать что-то серьёзное. Если вернуться домой – напишу роман. Роман с правдой, которую люди ещё не знают и даже не могут себе представить... Кстати, ту же мысль я встречал, работая прошлой осенью с записными книжками поэта Семёна Гудзенко – весной 1942 года он сделал наброски будущего романа. «Книга будет такой, – мечтал двадцатилетний поэт, – основная линия: жизнь каждого из нас. Минимум вымысла. Между главами сюжетными – лирические вставки со стихами, с историческими встречами, с любовными историями... Все имена и фамилии настоящие. Это должна быть вселенная, волевая энциклопедия нашего поколения...» Но к несчастью для нашей литературы, Гудзенко написать роман не успел: рано умер – в 1953 году, за месяц до того, как ему исполнился бы 31 год...

– Знаю, что вы бывали в фондах Музея писателей Урала XX века. Это продолжение работы с архивами?

– Да, с архивом Владислава Занадворова я работал в прошлом году. На этот раз мы лишь обменялись новыми материалами с сотрудниками музея. Я очень благодарен Екатерине Леденцовой, главному хранителю Музея писателей Урала, за помощь в моей работе. Такое трепетное отношение к архивам писателей я встречал, пожалуй, лишь в РГАЛИ. И сам Литературный квартал – место, достойное восхищения. Я уверен: что-то подобное может быть создано в каждом областном центре и даже во многих райцентрах. Ведь нет города в России, в котором не было бы своей плеяды литераторов, достойных памяти. Но, увы, Литературный квартал как целостное архитектурно-ландшафтное явление есть пока только в Екатеринбурге.

– Что вас заинтересовало в архиве Занадворова, ведь, кажется, его наследие опубликовано еще в шестидесятые годы?

– Нет, часть архива ещё не знакома читателям. К примеру, неоконченная проза Владислава. Я с большим увлечением читал ее...

Но в набросках Владислава есть такие строки, что даже сейчас ещё подумаешь – публиковать или нет? Как он хоронил товарища, например. Жёсткая проза, страшно читать. Тут, наверное, нужны комментарии. Иначе можно подумать, что они были равнодушны, эти люди – что война их ожесточила до бесчеловечности. А это было переживание психологического шока, как сейчас сказали бы.

Гудзенко был младше Занадворова почти на десять лет, у него потрясение от войны было ещё более страшным... Знаете, в 1943 году, 21 апреля, у него был литературный вечер в Москве (на-

Две разные поэтические рубрики в двух разных изданиях вдруг странным, символическим образом пересеклись на судьбе уральского поэта Владислава Занадворова (публикации о нём в «Областной газете» и «Российской газете» – в центре снимка)

верное, даже вообще первый поэтический вечер) – собралась вся литературная Москва. Вёл вечер Павел Антокольский. Рассказывал о поэте Илья Эренбург, а сам Гудзенко читал стихи и отвечал на вопросы. Так вот, там Семён попытался проанализировать, что с ним происходило на войне, почему он стал писать совершенно иначе, чем писал до войны. Два месяца на фронте (в январе 42-го, после ранения, он попал в госпиталь) сделали его другим человеком. Когда я читал записные книжки Гудзенко весны 41-го – это записи одного человека: весёлого студента. А с осени 41-го – это записи человека, которому можно дать 40 лет. Почерк тот же, а человек другой. Записи стали очень скупными. Поверхностная эмоциональность ушла. Это потрясает.

– Очевидно, так же было и с Занадворовым?

– Да. Поэзия для них словено исчерпала свой эмоциональный ресурс.

Война сделала их взрослыми людьми, и они считали: стихи – это юношеское. Поэтому переходили к прозе. Либо искали другой поэтический язык. Гудзенко нашёл. Четыре-пять его стихотворений все знают – они входят во все антологии: «Перед атакой», «Я был пехотой в поле чистом...», «Мы не от старости умрём...»

– Это, действительно, повторяется во всех сборниках. А есть что-то неизвестное в поэзии Гудзенко, что заслуживает внимания?

– С архивом поэта до меня работали три исследователя, но вот и мне хватило работы – хватил и следующему поколению. Проблема в другом. Наступает время взглянуть на эти тексты серьёзнее, вдумчивее. Пора издавать фронтных поэтов и писателей не к юбилеям, а академически. Нужны комментарии, нужна история создания произведения, хроника творчества писателя. Необходимо сверять с рукописями, потому что в некоторых текстах, когда они перепечатывались, вкрадывались ошибки. Некоторые издатели опустили какие-то строчки. В советское время – по цензурным соображениям, сейчас – по небрежности. Нужно искать первоисточники, сверять. Например, у Гудзенко много лет перепечатывается: «Я был пехотой в поле чистом...» // В грязи окопной и в огне. // Я стал армейским журналистом // В последний год на той войне... Дают обычно две строфы. А я, работая в архиве, обнаружил, что у поэта есть и третья строфа. Она была вычеркнута цензурой. Хотя при этом в 60-е годы вышла пластинка, где Гудзенко полностью читает стихотворение. Для него строки третьей строфы были ключевыми: «С какой свободой я дружил! // Ты памяти не тронь...»

Поэты разрозненной плеяды

– Несколько лет назад вы столь же плотно занимались поэтами Отечественной войны 1812 года

Дмитрий Шеваров – автор книг «Жители травы», «За живой водой», «Освещённые солнцем», составитель антологий «Год о русских поэтах», «Истории с ладошкой», «Наше родное». Печатались в «Новом мире», «Дружбе народов», «Урале»

– в серии «ЖЗЛ» вышла новая книга «Двенадцать поэтов 1812 года», номинированная сейчас на «Большую книгу»...

– Для меня было естественным после поэзии 1812 года перейти к поэтам Великой Отечественной. Но! Поэты 1812 года – это тесный, почти семейный круг литераторов (они переписывались друг с другом, а Карамзин, Вяземский, Жуковский были даже в родственных отношениях). Поэты же Великой Отечественной были куда более одиноки, разобщены. Это люди «разрозненной плеяды».

Поэтов 1812 года Господь хранил как-то особенно. Из героев моей книги погибли трое – Кайсаров, Петин и Чернин. Рано умер от ран Сергей Марин. Всех других – Дмитриева, Жуковского, Батюшкова, Вяземского, Шаликова – ждала долгая жизнь. Фёдор Глинка умер 96-летним! У поэтов Великой Отечественной совсем другая судьба. Ранняя смерть не дала им раскрыться. Ведь и Гудзенко, я уверен, нашёл бы новую, не только военную, тему в литературе. И Занадворов. И его погибший брат Герман, который был очень сильным прозаиком... Нам надо понять не только то, что они успели сделать, но и то, что не успели. Очень хочется нащупать внутреннюю связь в этом трагическом поколении: пусть они не были знакомы, но росли примерно в одних условиях, где-то пересекались. Вот найти бы эти пересечения! Для меня это представляется очень важным. Чтобы они не были так...

– Дмитрий Геннадьевич, по тому, что вы делаете (исследования, популяризация творчества поэтов и прозаиков, выпуск книг и т.д.) очевидно: вы – из тех, кому, чтобы делать свое дело, действительно не нужен специально обозначенный Год литературы.

– Год литературы – для меня какое-то абсурдное определение. Звучит примерно как Год чая в Индии. Масло масляное.

Вот 70 лет Победы, Год литературы... Захожу в самый большой екатеринбургский книжный – не нашёл ни одного уральского издания уральских писателей о войне (неудивительно, что даже трагическую «Всталку» Николая Никитина, написанную относительно недавно, многие уже не помнят, не читали). Вот мы вспоминали Занадворова – а его последний раз издавали в 1987-м!

У нас с советского времени

остаётся «датское» отношение к истории и литературе. Дату отметили, галочку поставили – но не совершили никакого душевного труда. Литература военного времени огромна. Работая в РГАЛИ, я понял – нужно ещё несколько жизней, чтобы «поднять» всё это. Хватит на несколько поколений – работать, изучать, публиковать. По прошествии 70 лет пора уже иметь академические издания, а не просто издавать военную литературу, перепечатывая её из старой «Роман-газеты». Когда мы станем взрослыми?!

Обидно, что ставим галочку раньше, чем следует. Вот война 1812 года... Читая мою книгу, даже очень начитанные люди признаются: многого прежде не знали. Но это говорит не о достоинствах моей работы, а лишь о том, как же велики у нас запасы неизвестного, неизведанного! Как много ещё белых пятен.

Стихи – за завтраком...

– Рубрика «Календарь поэзии» последовательно, в еженедельном режиме, закрывает эти «белые пятна». Как она появилась? Не всякая газета отдаст своё пространство под что-то неоперативное. Это же не «новость дня на этот час»...

– Я долго шёл к этой рубрике. Семнадцать лет (после «Комсомолки») работал в газете «Первое сентября». Её создатель и первый редактор Симон Львович Соловейчик показал: может быть совсем иной путь в журналистике, чем тот, что выбрали для себя большинство издателей. «Первое сентября» была газетой для духовного развития учителей и родителей. Подспорье для этого развития. Газета давала подзаказки: что посмотреть, что почитать, о чём подумать. Увидев какую-то поразившую его вещь в толстом журнале, Симон Львович мог взять оттуда фрагмент и опубликовать, понимая, что толстый журнал учителю ещё надо искать. Именно так в середине 1990-х Соловейчик опубликовал рассказ Бориса Екимова «Фетиш» – о мальчишке, который пытался спасти от закрытия школу в своей деревне.

Работая в «Первом сентябре», я стал собирать антологию, которую назвал «Дневником русской поэзии». Сейчас она вышла книгой под названием «Тихая пристань» в издательстве Свято-Елисаветинского монастыря в Минске. Маленькая, карманного размера книжка, но за ней – лет десять работы. Построена она по простому хронологическому принципу: стихи даны по датам их написания – с 1 января по 31 декабря. В основном это Золотой век русской поэзии.

36 имён... Реквием по несбывшемуся

– Хочется узнать о самых дорогих вам выпускках «Календаря поэзии». Но предположим: ответите что-то вроде «Все! Они же как дети...»

– Отчасти – да. Но! Несколько выпусков назад был рассказ о молодых погибших поэтах, и я давал список: 36 молодых поэтов, до тридцати лет погибших на войне. Три мои абзаца предисловия. И три стихотворения, которые никогда прежде не печатались, в том числе стихи Ариана Тихачека, вашего земляка, погибшего в 1943-м (это его первая публикация) Уже на вторые сутки просмотр в соцсетях этого списка перевалил за три тысячи. Для поэтической рубрики очень много. Что же произошло? Ведь это просто список ребят. Большинству фамилии ничего не говорят, но значит – что-то тронуло читателей.

– На каждый день в книге – одно стихотворение?

– Отобрали по одному. На самом деле у меня было подобрано по 2–3 стихотворения на день, и иногда я открывал для себя необъяснимые вещи: например, Ходаевич и Ахматова написали в один день, правда с разницей в год, стихотворения под одинаковым названием «Уединение». Причём стихи одинаковые по объёму, но настроению очень близкие. Очевидно, какие-то пересечения у больших поэтов в определённые эпохи случаются.

Эта книга, наверное, может быть интересна и тем, кто занимается психологией творчества. Но мне-то хотелось сделать книгу для самого широкого читателя. Чтобы человек мог утром взять её, открыть и прочесть – там, кстати, есть и отрывки из писем и дневников русских поэтов. Это как эпиграф к наступающему дню. Сначала то я составлял книгу для се-

бя. Самому очень важно было знать, что в день, который ты только начинаешь, когда-то рождались и эти, и эти любимые строки. И это как-то помогает жить...

Книга вышла довольно большим для нашего времени тиражом – 10 тысяч экземпляров, но уже, по-моему, разошлась. Один художник сказал мне недавно, что в его семье «Тихую пристань» читают каждый день за завтраком.

Так вот, работая над антологией, понял вдруг: поэзия нужна человеку не только в школе, не только когда он влюблён, она может быть необходима каждый день. Стал искать издание, которое могло бы печатать стихи из этого календаря. Не нашёл. Коллеги из многих федеральных изданий спрашивали: как ты это себе представляешь – открываешь газету, а там рядом с курсом доллара – «Люблю грозу в начале мая...»? Спасибо редактору «Российской газеты» Владиславу Александровичу Фронину – он меня сразу понял. Рубрика вот уже шестой год выходит в «толстушке» «РГ», и каждый день почта приносит письма. Для этой рубрики читательский отзыв принципиален. Важно почувствовать: какие стихи людям хочется прочитать? О каком поэте узнать? Вот сейчас, когда идут мои публикации о поэтах войны, каждый день открываю в письмах неизвестные мне имена погибших поэтов. Пусть они остались в студенческом или домашнем кругу (иных никогда и не печатали), но это-то и интересно...

– Невероятно: письма в редакцию не с жалобами, не с претензиями, а с именами поэтов?

– Если бы не письма – рубрика бы, наверное, иссякла: мои личные пристрастия всё-таки ограничены. Любимых поэтов не может быть много. Пользуясь случаем, призываю и своих, и ваших читателей заглянуть в семейные архивы: если там среди писем, записных книжек есть стихотворные строки (не обязательно высшего литературного уровня) – присылайте. Неправильно, когда мы смотрим на стихи только с филологической точки зрения и сразу в «табель о рангах» записываем: «графоман», «нагнающийся», «зрелый поэт». Любое стихотворение – человеческий документ за которым судьба, иногда драма, и нельзя подходить к ним только с формальными литературными мерками.

ДОСЛОВНО

Фрагменты из публикаций Д. Шеварова этого года. В. Занадворов и А. Тихачек – поэты-уральцы

«Помни, что я тебя любил всеми силами души моей...»

Владислав Занадворов. Конец 1930-х годов. Из фондов Объединённого музея писателей Урала

Отчего в мирной жизни мы не находим для своих любимых тех слов, что находили на фронте измотанные, смертельно уставшие бойцы?.. В сентябре прошлого года мы рассказали о поэте Владиславе Занадворове, погибшем в дни Сталинградской битвы. Его архив бережно хранят в отделе фондов Объединённого музея писателей Урала в Екатеринбурге. И не только хранят, но и дают возможность людям прикоснуться к судьбе и творчеству поэта, чья жизнь оборвалась в 28 лет.

Чудом дошедшие до наших дней письма лейтенанта Занадворова жене Кате, Екатерине Павловне Хайдуковой, – это оплаканные, ветхие, пожелтевшие листочки с гаснущими карандашными и чернильными строчками.

21 августа 1942 г.: «Иногда, моя любимая, нужно быть ко всему готовым. Я не верю в это, – но если я не вернусь, – помни, что я тебя любил всеми силами души моей, – как только умел и с каждым месяцем, с каждым годом привыкаясь всё больше и больше к тебе. И сегодня, девочка, я не буду трусом, я могу надевать каких-нибудь глупостей, – но только не по трусости. И ещё о нашем сыне. С какой бы радостью я бы сейчас поддержал его на руках! Самое главное, мне бы хотелось, чтобы он был радостным, – без той затанной печали, какая есть у меня, да и у многих... Катюшка моя, знаешь, как бы хорошо сейчас видеть тебя, даже просто – смотреть – ничего не говорить».

«Тот, кто не прошёл мимо...»

Обложка новой книги о Георгии Эфроне

В московском доме-музее Марины Цветаевой открылась выставка, посвящённая военным страницам короткой жизни её сына Георгия Эфрона. Музей выпустил и новую книгу о Георгии. Она называется по строчке из его письма: «... Скоро отправлюсь на фронт».

В книге впервые публикуется армейское письмо Георгия Эфрона, адресованное Льву Озерову – поэту, переводчику и педагогу. С 1943 года Озеров преподавал в Литературном институте, куда в том же году поступил Георгий. Прочувствовал он всего три месяца. Много лет спустя Озеров вспоминал: «Однажды ко мне на занятия пришёл студент – застенчивый, бледный, молчаливый... Он сказал, что переводит французских поэтов... Вскоре его мобилизовали в армию. Позднее мы узнали о его гибели».

В момент написания письма Георгию было 19 лет, Озерову – 29. В конце письма Георгий с горькой самонадеянностью называет себя «Тем, Кто Проходит Мимо». Но однополочником он запомнился совсем другим человеком. Они не заметили в нём ни высокомерия, ни равнодушия. Командир роты Гашид Сендов вспоминал о погибшем юноше: «Скромный. Приказ выполнял быстро и чётко. В бою был бесстрашным...»

«До свидания, мальчишки!...»

Фотографии Ариана Тихачека нет. К публикации о нём Д. Шеваров использовал снимок-хроник, красноречиво говорящий о целом поколении

Они ушли на рассвете, оставив нам дворы, стихи и голоса в ночном саду. Мы, родившиеся в 1960-е, ещё застали те дворы, откуда они уходили на фронт. Палисадники, сараи, липа под окном, полупорха, поднимающая клубы пыли на нашей улице, – очень многое вокруг было довоенным. Сирень, у которой прощались выпускники 41-го, осыпала на нас свой цвет, когда мы играли в войну. После дождя в довоенной бочке качалась тёмная вода со звёздами.

Вечером мы уходили со двора все в пыли и ссадинах. И тут нам вдруг казались: там, в саду, кто-то тихо плачет. Ночная бабочка несильно билась в стекло, крылья её дрожали. Так в 41-м повести дрожали в материнских руках.

В мае вечерние сумерки слишком быстро переходят в утренние. Не трезвые, будильники. Не греми, рукомошник. Помолчите, репродукторы. Паровоз, постой ещё на запасном пути... Дайте дописать стихи.

Ещё пятнадцать лет имея, Я часто думал перед сном, Что хорошо бы, не старая, Вся жизнь быть в возрасте одном. Мечтал тогда я жить на свете Двадцатипятилетним весь свой век. Я думал – счастье в годы эти Всегда имеет человек. Теперь мечты те были стали: Настал двадцатый в жизни год. Но счастья нет. Найду едва ли. Быстрее смерть меня найдёт. И вот я, двадцать лет имея, Опять мечтаю перед сном, Что хорошо бы, не старая, Быть снова маленьким юнцом.

Ариан Тихачек, 19 января 1943 г.